

Диктант 1

Всю жизнь слышал слово «душа» и сам произносил это слово, вовсе не понимая, что оно значит. Мне кажется я бы довольно верно ответил на этот вопрос. Я сказал бы, что душа – это внутренний мир человека, это что он сам знает о себе. Во-вторых, я бы о душе сказал с точки зрения философа, что душа есть совокупность знаний человека о себе и т.п., как сказано в учебниках психологии. В-третьих, я бы вспомнил о представлении души примитивным человеком как некоей сущности, обитающей в теле...

Между тем у меня была душа своя, и я знал о ней с очень далекого времени, почти с детства, когда потихоньку проливал слезы о том, что я вышел на свет не такой, как все. Мало-помалу с годами, с десятками проходящих лет, я через это страдание узнавал свое назначение: мало-помалу оказывалось, что быть не как все, а как сам, и есть то самое необходимое, без чего мое существование было бы бессмысленным. И мое страстное желание присоединиться ко всем, быть как все не может произойти иначе, как через раскрытие в глазах всех себя самого. И еще прошло много времени, пока я понял, что желание быть как все во мне было желанием любви. И еще совсем недавно я наконец-то понял, что это стремление любить и было действием души моей и что душа – это и значит любовь.

(М.М.Пришвин)

Диктант 2

Весна

Весна́ наступила́ в этом году́ ранняя, дру́жная, неожídaнная. Побежали по деревéнским у́лицам бурли́вые ручейки́, сердито́ пёнясь вокруг встрéчных камéньев и б́ыстро вертя́ щéпки и гуси́ный пух; в огромных лúжах воды отразилось голубóе небо с пльвúщими по нему́ крúжными, бóйко крутя́щимися облака́ми; с крыш посыпáлись частые звóнкие ка́пли. Воробьи́, стáями обсыпáвшие придоро́жные деревья́, крича́ли так грóмко и возбуждённо, что ничегó нельзя́ было́ расслы́шать за их кри́ком. Везде́ чувствовáлась радóстная и торопли́вая тревóга ж́изни.

Снег сошел, оста́вшись ещё кое-где́ грязными рýхлыми клочка́ми в ло́щинах и тенёстных перелёсках. Из-под него́ вы́глянула обнажённая земля́, отдохну́вшая за зиму́ и тепе́рь по́льная све́жих со́ков, по́льная жа́жды но́вого материнства́. Над чёрными н́ивами ви́лся лёгкий па́рок, наполня́вший во́здух запахом отта́явшей земли́. Это был све́жий, вкра́дчивый и могúчий запах весны́, кото́рый да́же и в го́роде узнаешь среди́ со́тен други́х запахов.

Мне ка́залось, что вме́сте с этим аро́матом влива́лась в мою́ душу весéнняя грусть, сла́дкая и не́жная, исполненная́ беспокóйных ожида́ний и смúтных предчу́вствий. Но́чи ста́ли тепле́е, и в их густóм и вла́жном мра́ке чувствовáлась незр́имая спéшная твóрческая рабóта приро́ды...

Диктант 3

В аэропорту они перебро́сились несколькими фра́зами, не прими́рившими их, в самолёте же вновь произошёл вздорный разговор, и потом, ужина́я, молчали. Поужина́в, Самсонов раздражённо полистал иллюстриро́ванный журна́льчик, пощёлкал глянцеви́тыми страница́ми, сунул его в кармашек спинки, скрестил на груди́ руки́ и, завалив назад голову́, ка́залось, задремал, сердито́ сморщась.

Огромная осенняя луна до огненной багровости раскалённым шаром, подробно видимая отчётливыми светотенями, стояла недвижно за иллюминатором в черной пустоте бесконечного холода, и Никитин не мог оторваться от неё. Она тянула его к себе — магическая и близкая, яркая; в её ледяном блеске, в её приближённой величине и недосыгаемости мерещилось ему что-то тайное, врачующее, успокаивающее боль в сердце, от которой он боялся пошевелиться.

Металлическая плоскость крыла висела над глубиной высоты, и там, внизу, серебристо-голубоватая лежала пустыня облаков, покрывавших ночную землю, и, не пробиваясь к земле, весь лунный спокойно-яро́стный свет неживым бликом сверкал на плоскости самолёта над провалом глубины, лился в иллюминатор, в его толстые двойные стёкла. И порой Никитину мнилось, что этот лунный свет просачивался сквозь густо-фиолетовую воду, что он не летит на девятикилометровой высоте, а скользит на подводной лодке под океанскими толщами воды, сжатый ими. (По Ю. Бондареву.)

Диктант 4

Весенний вечер

Чисто выметенная и ещё сырая от недавно стаявшего снега улица была пустынна, но красива выдержанной немного тяжёлой красотой. Большие белые дома с лепными украшениями по карнизам и в простенках между окнами, окрашенные в тонко-розоватый оттенок весенними лучами заходящего солнца, смотрели на свет божий сосредоточенно и важно. Стаявший снег смыл с них пыль, и они стояли почти вплотную друг к другу такими чистыми, свежими, сытыми. И небо сияло над ними так же солидно, светло и довольно.

Павел шёл и, чувствуя себя в полной гармонии с окружающим, лениво думал о том, как хорошо можно жить, если не требовать от жизни многого, и как самонадеянны и глупы те люди, которые, обладая грошами, требуют себе от жизни на рубли.

Думая так, он не заметил, как вышел на набережную улицы. Перед ним внизу стояло целое море воды, холодно блестящее в лучах солнца, далеко на горизонте медленно опускавшегося в него. Река, как и отражённое в ней небо, была торжественно покойна. Ни волн, ни частой сети ряби не видно было на её полированно-холодной поверхности. Широко размахнувшись, она, точно утомлённая этим размахом, спокойно уснула. А на ней томно таяла пурпурно-золотая бархатная полоса лучей заката. Далеко, уже окутанная сизой дымкой вечера, виднелась узкая лента земли, отделяя воду от неба, безоблачного и пустынного, как и накрытая им река. Хорошо бы было плыть свободной птицей между ними, мощно рассекая крылом синий свежий воздух! (223 слова.)

Диктант 5

Тяжелые, толстые стрелки на огромном циферблате, белевшем наискось от вывески часовщика, показывали полседьмого. В легкой синеве неба, еще не потеплевшей после ночи, розовело одно тонкое облачко, и было что-то не по-земному изящное в его удлинённом очерке. Шаги несчастных прохожих особенно чисто звучали в пустынном воздухе, и вдали телесный отлив дрожал на трамвайных рельсах.

Повозка, нагруженная огромными связками фиалок, прикрытая наполовину полосатым грубым сукном, тихо катила вдоль панели: торговец помогал ее тащить большому рыжему псу, который, высунув язык, весь подавался вперед, напрягая все свои сухие, человеку преданные мышцы. С черных веток чуть зеленеющих деревьев спархивали с воздушным шорохом воробьи и садились на узкий выступ высокой кирпичной стены. Лавки еще спали за решетками, дома освещены только сверху, но нельзя было представить себе, что это закат, а не раннее утро. Из-за того что тени ложились в другую сторону, создавались странные сочетания, неожиданные для глаза, хорошо привыкшего к вечерним теням, но редко видящего рассветные.

Все казалось не так поставленным, непрочным, перевернутым. Ганин оглянулся и в конце улицы увидел освещенный угол дома, где он только что жил минувшим летом и куда он не вернется больше никогда. Солнце поднималось все выше, равномерно озарялся город, и улица оживала, теряла свое странное теневое очарование. Ганин шел посреди мостовой, слегка раскачивая плотные чемоданы, и думал о том, что давно не чувствовал себя таким здоровым, сильным, готовым на всякую борьбу. (По В. Набокову)

Диктант 6

Был печальный осенний вечер; солнце, закрытое тучами, из-за которых кое-где проскальзывали слабые лучи, склонялось к закату. Весь небосклон заслонили серые разорванные облака, слившиеся на горизонте в одну темную одноцветную завесу.

В воздухе можно было различить глазами ветер, срывавшийся из-за туч на землю и пролетававший над верхушками деревьев, сгибая их, обламывая ветви и снова улетающая куда-то ввысь.

Земля, облаченная в траурные одежды, лишенная зелени, казалась умершей или уснувшей, а быстро пролетающие над ней странно разорванные, причудливо очерченные облака, то расплывавшиеся, то сталкивавшиеся вместе, то и дело меняли краски: то румянились, как бы от гнева, то становились синими от злости. Там, где под ними угадывалось солнце, они горели желтоватым пламенем, а в местах их разрыва небо светилось зеленоватыми огнями. Серые тучи, казалось, спешили на восток, чтобы там собраться вместе, как войско в бою, и двинуться вперед одной черной массой.

Но и внизу пейзаж не представлял приятного зрелища. Низкая болотистая долина была окружена черными стенами лесов. Кое-где виднелись одинокие деревья, наполовину высохшие или обгорелые, как бы в отчаянии поднимавшие кверху обнаженные ветви. Осенние ветры сорвали с них последние листья.

(Ю. Крашевский)

(Обособленные члены предложения, однородные члены предложения, неоднородные определения.)

В окно летел морозный воздух; клубящийся пар точно выливался в комнату, в которой от него уже стало холодно. Большая низкая лампа с непрозрачным абажуром, стоявшая на письменном столе, горела ясно, но освещала только поверхность стола да полпотолка, образуя на нем дрожащее круглое пятно света; в остальной комнате все было в полумраке. В нем можно было разглядеть шкаф с книгами, большой диван, еще кое-какую мебель, зеркало на стене и высокую фигуру, бесконечно метавшуюся по комнате из одного угла в другой. Иногда Алексей останавливался у окна; холодный пар лился ему на разгоряченную голову, на открытую шею. Он продолжал перебирать бессвязные воспоминания, припоминая сотни мелких подробностей, путался в них и не мог понять, что именно в них важного.

Знал он только одно: до двенадцати лет, когда отец отправил его в гимназию, он жил совершенно иною жизнью и помнил, что тогда было лучше.

Алексей думал об отце и в первый раз после многих лет почувствовал, что любил его, несмотря на всю его немудреность. Ему хотелось бы теперь хоть на минуту перенестись в свое детство, в деревню, в маленький домик и приласкаться к этому человеку просто, по-детски.

(По В. Гаршину)

Диктант 8

Поднявшись с гнездовья, большой коршун-белохвост вылетел на обозрение местности.

Внимательно просматривая поверхность степи, примечая все, что шевелилось внизу, коршун летел молча, степенно помахивая крыльями, медленно набирая высоту, чтобы шире и дальше видеть степь, и одновременно приближался, перемещаясь плавными витками, к своему излюбленному месту охоты — к территории закрытой зоны. С тех пор как этот обширный район был огорожен, здесь заметно прибавилось мелкой живности и разного рода пернатых, потому что лисы и другое рыскающее зверье уже не смели проникать сюда беспрепятственно. Зато коршуну изгородь была нипочем.

Третьего дня засек он сверху маленького зайчонка, и, когда кинулся на него камнем, зайчишка успел заскочить под проволоку, а коршун чуть не напоролся с размаху на шипы. Едва уклонился, взмыл круто и яростно вверх, задевая перьями острое жало шипов.

Не осталось не замеченным коршуном и то, что проследовавшие по степи человек на верблюде, два еле-еле тащущихся трактора и рыжая лохматая собака стояли теперь у колючей проволоки снаружи, точно бы не могли ее преодолеть... Рыжая собака раздражала коршуна своим праздным видом и тем, что околачивалась возле людей, но он ничем не выказал своего отношения к рыжей собаке — не опустится же он до такой степени... Он просто кружил над этим местом, зорко поглядывая, что будет дальше, что собирается делать эта рыжая собака, виляющая хвостом возле людей.

(По Ч. Айтматову)

Диктант 9

Была лунная ночь, одна из тех, которые бывают только на юге; такая ночь, когда серебристый диск луны плавно скользит по сапфировому небу, а горы в прозрачном воздухе вырисовываются так ясно, что кажется, можно коснуться их рукой; когда ветерок затихает и большие листья деревьев замирают в неподвижности, словно прислушиваясь к удивительному хору ночных голосов.

Это была такая ночь.

Всадник, доехав до рощи, соскочил с лошади и привязал ее к дереву. Затем он снял с седла длинную веревку, сплетенную из конского волоса, свернул ее кольцом и, надев на руку, бесшумно прошел через рощу к реке.

Прежде чем выйти из-под прикрытия деревьев, он посмотрел на луну, ярко светившую в вышине. Потом он поглядел на открытое место, отделявшее его от воды. Не задерживаясь здесь, он спустился по извилистой, но, очевидно, хорошо знакомой тропинке. Некоторое время человек внимательно всматривался в заросли на противоположном берегу, по-видимому проверяя, не прячется ли там кто-нибудь. Убедившись, что в зарослях никого нет, он взял веревку и, сделав несколько круговых движений, перекинул ее через реку. Петля захлестнула колышек на носу челна, и человек перетащил его к себе; он прыгнул в него, взял весла, которые лежали на дне, и, вставив их в уключины, переправился на другой берег, подведя челн к месту, где он стоял раньше.

(Т. Майн Рид)

(Основные правила пунктуации.)

Над горами появились облака — сначала легкие и воздушные, затем серые, с рваными краями. И море сразу же изменило краски — стало темнеть.

Цепляясь за лесистые вершины гор, облака опускались все ниже и ниже, захватывали ущелья и лощины, превращались в тяжелые, непроглядные тучи. Только горы, казалось, сдерживали их сейчас, но и горы ничего не могли сделать: сизая пелена ползла от гор к морю.

Тучи шли от гор, опускались все ниже и ниже, к морю. Они, как бы нехотя, заволакивали воду дымкой — от берега и дальше. Они ползли уже не только по склонам, где приютились домики верхних улиц, а и затянули туманом улицу нижнюю, главную. Водители включили фары и все чаще давали сигналы. И поезда шли сейчас, нервозно гудя, с зажженными фонарями.

Море темнело от берега. Тихое, вроде бы затаившееся, с гладкой поверхностью и чуть слышным прибоем, оно пошло то белыми, то черными пятнами, то непонятными разводами, как будто в него выбросили с воздуха другую воду.

Ожидание длилось час. В горах ударил гром, и хлынули потоки дождя, а море бесновалась. Оно заливало берег, билось о бетонную набережную, о лестницы и глыбы скал, оно гремело и вздрагивало, охало и восторгалось, плакало и ревело.

Небо над морем стало не серым и не черным, а каким-то неестественно бурым. Молнии резали небо то слева, то справа, то впереди, то сзади, то где-то над самым берегом. Море поглощало их, проглатывало вместе с бурым небом и ударами грома.

(По С. Баруздину)

Заря только что занимается; широкая пристань темным пологом стелется по крутому и равнинному берегу Волги. Кругом ни голоса, ни признака жизни. Тишина между длинными рядами хлебных амбаров и закровов, высоко поднимающих свои черные рогожные макушки над светлою рекою; тишина на судах, барках и расшивах, стиснутых вдоль берега... Только алые флюгера на длинных мачтах, обступивших целым лесом пристань, разносят робкий шепот. Там и здесь, вдоль покатых бревенчатых спусков, между амбарами и шалашами, на грудах рогож, кулей и досок, спят, развалившись, вповалку бурлаки; положив молодецкую голову на бок товарищу, укутавшись лохмотьями овчины, не чувствует ни один ни студеной росы, окропляющей его смуглое загорелое лицо, ни холодного предрассветного ветра. Лоцманы и приказчики также покоятся на своих судах.

Но вот сизый туман, окутывающий Волгу и далекий берег с луговой стороны, понемногу алеет и подбирается выше; в чистом небе уже тухнут одна за другой звезды, уступая багровому зареву горизонта. Уже открываются понемногу песчаные отмели, разбросанные по реке, обгаемые восходом; за ними белеют и искрятся луга, упитанные росой, прорезывается сизый бор в чуть видной синеве... Но все та же мертвая тишь кругом, и только алые флюгера на высоких мачтах вытягиваются прямее в холодном, сыром воздухе.

Золотое зарево распускается все выше; с ближайшей приречной слободы долетели крики петухов. Пронзительный свист послышался; крик лоцманов, смешиваясь постепенно с шумом сбрасываемых досок, с гамом толпы, с песнями, мало-помалу наполнил пристань какою-то дикою, нескладною сумятицею.

(По Н. Некрасову)

Близится рассвет

Еще предрассветные сумерки окутывают своей таинственной серой пеленой со всех сторон океан, и горизонт туманен. Еще луна и мириады звезд глядят сверху. Но месяц становится как будто бледнее, и звезды мигают слабее и будто стали задумчивее.

Но вот на востоке занимается заря, в первые минуты нежная и робкая, еле-еле пробиваясь розово-лиловой полоской. Краски становятся разнообразнее и причудливее. Она расплывается, захватывая все большее и большее пространство, и наконец весь горизонт пылает в блеске громадного зарева, сверкая пурпуром и золотом. Небо над ним, передернутое розово-золотистой дымкой, сияет в нежных переливах всех цветов радуги. Луна и звезды становятся еще бледнее и кажутся умирающими.

Что-то могучее и волшебное, не передаваемое даже в гениальных картинах, представляет собою в действительности эта незабываемая картина пробуждения океана, эти снопы пламени, золота и волшебных цветов, предшествующие восходу солнца.

Вот и оно, ослепительно, медленно обнажаясь от своих блестящих риз, величаво выплывает золотистым шаром из-за пылающего горизонта. И все вокруг мгновенно осветилось, все радостно ожило, словно бы преображенное: синеющий океан, и небо, высокое, голубое, нежное. Луна и звезды исчезли перед блеском этого чудного, дышащего свежестью, радостного и победоносного утра.

(К. Станюкович)